

— Духовная сила берет начало в самой человеческой душе, поэтому искусному онмёдзи необходимо непрестанно закалять свой дух, — неторопливо наставлял Асакура Хао. — Медитация — прекрасный способ, но одной лишь её мало, чтобы постичь истинную суть этой силы. Только на грани жизни и смерти, когда дух трепещет перед бездной, открывается истина. Только так можно превзойти самого себя.

— А потому... ступай.

Хао без малейшей жалости толкнул своего новоиспеченного ученика с края обрыва. Скользнув взглядом по его ошеломленному лицу, наставник уже собирался удовлетворенно улыбнуться, как вдруг замер. Но было поздно — незадачливый послушник, не издав ни звука, стремительно летел в пропасть.

Хао озадаченно потер подбородок.

«Странно. Что значит "привык постоянно умирать"? Неужели в этом и кроется секрет его поразительно быстрого роста?»

Он проводил взглядом ученика, чье лицо застыло в немом выражении «Учитель, вы ведь сейчас шутите?». Колеблясь лишь пару мгновений, Хао всё же призвал своего шикигами и отправил его следом — негоже позволять юноше, не проучившемуся у него и месяца, разбиться насмерть.

Сброшенный с кручи без малейшего предупреждения, Фурукава Сюань после мимолетной паники ощутил странную, почти абсурдную отрешенность. Ему даже захотелось рассмеяться.

Да какого черта! Зачем ему сдались эти игры на выживание ради пробуждения сил? Он и так каждую ночь подышает в системных подземельях! Проблема в другом: неужели придется всерьез ощутить, каково это — превратиться в лепешку от удара о камни?

Уж этот-то опыт у него имелся. Одно воспоминание о том, как древесные плети подбросили его на высоту трехэтажного дома и с размаху приложили оземь, заставляло затылок ныть от фантомной боли.

Времени на жалобы не оставалось. Сюань лихорадочно искал способ спастись.

Он понимал, что Хао вряд ли позволит ему погибнуть, но наставник, мягкий в обычной жизни, в обучении превращался в истинного тирана. Стоит сплеховать сейчас — и в следующий раз этот безумный гений придумает что-нибудь еще более изощренное.

Сюань попытался призвать ветер, чтобы замедлить падение.

Месяц назад, обосновавшись в поместье Асакуры, он дождался ясного, погожего дня и перед лицом множества свидетелей совершил подношение богам и земле, официально став учеником великого онмёдзи.

С тех пор в Онмёрё он посещал лишь самые базовые занятия, получая основные знания напрямую от учителя. За этот месяц Сюань успел неплохо изучить характер своего наставника.

Хао действительно отличался редким благородством и душевной мягкостью, но его незыблемые принципы порой казались странными. Он избегал суеты и шумных сборищ: в его огромном поместье, помимо него и Сюаня, обитали лишь безмолвные шикигами. В эту смутную эпоху он никогда не поднимал руку на безвредных духов, а в мире, где каждый рвался к вершинам власти, оставался равнодушным к чинам и почестям.

И, конечно, он подходил к обучению ученика с беспощадной строгостью.

Оставалось лишь гадать, у кого он набрался таких методов. Поначалу уроки проходили вполне мирно, но после одной из поездок наставника всё резко сдвинулось в сторону форменного садизма.

Сюань подозревал, что тут не обошлось без Абэ-но Сэймэя. Как-то раз он подслушал, как Абэ-но Ёсисама рассказывал другим ученикам об отцовских «методах воспитания» — тогда у Сюаня мороз по коже прошел. Кто же знал, что вскоре ему самому придется примерить эту шкуру?

Впрочем, сетовать на судьбу было некогда — земля приближалась слишком быстро.

Сюань решительно призвал Додзи и Додзё. Как-никак, эти двое умели летать.

Увы, толку оказалось немного. Маленькие шикигами вцепились ему в плечи, до боли сжав когти, но их сил хватило лишь на то, чтобы на мгновение притормозить падение.

Но этого краткого мига оказалось достаточно.

Снова призвав яростный порыв ветра, Сюань заставил воздушную волну взорваться под собой, еще немного сбив скорость. В ту же секунду перед ним соткался Ака-Аманодзяку. Дух швырнул свой игрушечный йо-йо, зацепив им острый выступ скалы, и крепко ухватил падающего юношу за руку.

Есть! Зацеп!

Плечо пронзило резкой болью, едва не вывернув сустав, но падение прекратилось. Ему удалось избежать незавидной участи превратиться в кровавое месиво у подножия горы.

Правда, радоваться было рано. Сюань осторожно глянул вниз — бездонная мгла. Вверху же слепило яркое солнце, не позволяя ничего разглядеть.

Мысленно выругавшись, он сделал глубокий вдох, отозвал шикигами и снова ринулся вниз, навстречу свистящему ветру.

Воздушный поток хлестал по лицу, мешая дышать. Сюань отчаянно взывал к стихии. Никогда прежде он так страстно не желал подчинить себе ветер — сильный, плотный, способный удержать его вес.

Стремительно приближаясь к земле, он чувствовал невидимые потоки: одни были яростными, другие — обманчиво мягкими. Но ему требовалось нечто иное. Если ветер не может подхватить его, нужно собрать всю силу в единый кулак и направить удар вниз, чтобы погасить инерцию.

Сосредоточившись на этой мысли, Сюань выровнял тело в полете и без умолку зашептал слова заклинания. Когда из тумана проступили очертания каменистой земли, он резко выбросил руки вперед, высвобождая скопившуюся ярость урагана.

Встречный удар стихии столкнулся с колоссальной силой падения. Две встречные волны сдавили его тело, словно гигантские тиски. Грудь сдавило, из горла брызнула кровь, и сознание Сюаня мгновенно поглотила тьма.

— Какое поразительное дитя, — искренне восхитился Асакура Хао, подхватывая лишившегося чувств ученика у самой земли.

Наставник наблюдал за всем происходящим глазами своего шикигами. Он видел и отчаянную попытку закрепиться на скале, и решительный прыжок в пустоту.

Вспомнив об упрямстве своего необычного подопечного, Хао тепло улыбнулся.

Сюань с самого начала казался ему загадкой. Обладая «реиси» — способностью читать чужие мысли, — Хао редко находил покой среди людей. Человеческая природа лжива: под маской благочестия почти всегда скрывались темные помыслы.

С мелкими грехами он еще мог мириться — в конце концов, он и сам порой носил маски, ведь без этого в человеческом обществе не выжить.

Однако куда чаще из чужих душ на него изливалась такая грязь, что его начинало тошнить.

Но этот юноша оказался иным. Мысли Сюаня почти всегда в точности соответствовали его словам и поступкам, а временами его разум и вовсе становился недостижимым для чтения. Но даже когда Хао удавалось заглянуть в его голову, там обнаруживались поистине удивительные вещи.

Например, полнейшее равнодушие к величию Императора или нелепые восклицания вроде «опять подыхать!», когда его швырнули с обрыва. А порой в голове мальчишки за долю секунды проносились десятки разрозненных образов.

Хао впервые видел столь хаотичный и яркий разум. Стоило Сюаню услышать простое слово, как в его мыслях вспыхивал целый калейдоскоп идей. Они рождались и гасли со скоростью молнии, зачастую никак не связанные друг с другом. Откуда, к примеру, в его голове постоянно всплывало это странное «ахаха» или бессмысленные сочетания цифр?

Но главное — юноша искренне, без задних мыслей жаждал силы. Его стремление было чистым, лишенным той затаенной злобы и жажды мести, которые когда-то вели самого Хао.

Воспоминания отозвались в груди наставника глухой болью. Помрачнев, он бросил взгляд на затягивающееся тучами небо и велел шикигами перенести их в поместье.

— Как придешь в себя, призови свою Хотаругусу. Пусть подлечит тебя, — негромко произнес Хао, заметив, что ученик открыл глаза.

Будучи искусным целителем, наставник уже успел осмотреть юношу, проверить его пульс и приготовить отвар из целебных трав.

— Да... сейчас, — хрипло отозвался Сюань. Голос слушался с трудом.

Он поспешно призвал Хотаругусу, и мягкое зеленое свечение окутало его израненное тело. Облегченно вздохнув, Сюань послушно принял из рук учителя чашу с дымящимся темным зельем.

Понимая, что Хао желает ему лишь добра, он заставил себя осушить чашу до дна, хотя в мыслях вовсю вопил от невыносимой горечи:

«Какая же гадость! Горько-то как, помереть можно!»

Хао снисходительно улыбнулся.

— Твоя задумка с ветром хороша, но само исполнение оказалось слишком уж топорным.

Сюань виновато опустил голову. Вспомнив силу столкновения воздушного потока и инерции падения, он сам содрогнулся от собственной глупости.

— Простите, учитель. Я поступил безрассудно.

— Вовсе нет, я не виню тебя, — благодушно рассмеялся Хао. — Напротив, твоя находчивость меня приятно удивила. Использовать заклинание Бури подобным образом... Даже мне это не приходило в голову.

Магия ветра всегда считалась уделом лишь самых могущественных онмёдзи, ведь призыв урагана требует колоссального сосредоточения.

— На досуге тебе стоит хорошенько обдумать этот прием, — подбодрил ученика Хао. — Я помогу тебе систематизировать движение духовной энергии и составить правильное заклинание. Если всё получится, ты станешь создателем совершенно новой техники.

— Спасибо, учитель, — Сюань смущенно взъерошил волосы на затылке.

— На сегодня уроков достаточно. Отдыхай, — Хао забрал пустую чашу и поставил её на бамбуковый поднос. Взглянув на юношу, он вдруг заметил: — А волосы у тебя заметно отросли.

Сюань коснулся прядей, уже спускавшихся к плечам, и недовольно поморщился. Длинные волосы доставляли кучу хлопот, ухаживать за ними он совершенно не умел. К тому же из-за долгого недоедания они должны были оставаться тусклыми и ломкими... Но почему они стали такими иссиня-черными и шелковистыми?

— Не вздумай состригать их, — качнул головой Хао. — Для онмёдзи волосы служат отличным проводником и хранилищем духовной силы. Так что береги их.

— Что?!

«Так вот почему все сильные онмёдзи щеголяют с роскошными шевелюрами?!»

<http://bllate.org/book/18244/1748197>